

Секретная миссия Владимира Бондаренко

Василий ЕЖОВ, фото из архива Владимира БОНДАРЕНКО

23 февраля – День защитника Отечества. До распада Советского Союза этот праздник имел менее размытое и более конкретное название – День Советской армии и Военно-Морского Флота. Именно советский статус этого февральского дня больше соответствует профессиональному празднику, с которым «Победа» поздравляет героя сегодняшней публикации – полковника в отставке Владимира Андроновича Бондаренко.

«...Командир взвода в/ч 44703, старший лейтенант, старший офицер батареи. В Демократической Республике Вьетнам с 20.04.1968 года выполнял интернациональный долг, принимая самое активное участие в восстановлении, ремонте и настройке зенитно-ракетных комплексов. Лично отремонтировал 31 пусковую установку. В тяжелейших климатических и бытовых условиях, под воздействием американской авиации, с риском для жизни оказал большую помощь в восстановлении пяти зенитных ракетных комплексов. Отремонтированные им пусковые установки применялись при отражении налетов авиации противника и сбили три самолета...».

Это – из наградного листа к Указу ПВО СССР от 14.08.1969 года о награждении орденом Красной звезды Владимира Андроновича Бондаренко.

«Сувениры» из Вьетнама

– Вот, смотри, – мой собеседник протягивает небольшой, примерно три на десять сантиметров, кусочек пожелтевшего и слегка обгоревшего по краям пластика. – Это частичка обшивки сбитого американского самолета... Вот видишь, я тут на ней даже дату написал, – говорит он и, надев очки, вглядывается в почти выцветшие от времени цифры: – Двадцать третье ноября, тринадцать с чем-то часов... Район семнадцатой параллели...

Это – один из «сувениров», которые привез из Вьетнама мой собеседник – полковник в отставке Владимир Андронович Бондаренко.

– Владимир Андронович, Вы единственный в Феодосии человек, который сбивал американские самолеты...

– Не я лично. Работали расчёты зенитно-ракетных комплексов. К тому же во Вьетнаме вообще не было «старшего лейтенанта Бондаренко», а был «товарищ Володя» или «Льенг-со», что в переводе – «советский специалист», – говорит он, продолжая демонстрировать сувениры из Вьетнама. – Вот фотографии, которые

я тайком на «Зенит» снимал, там же и плёнки проявлял. Смотри, – продолжает собеседник, доставая из альбома черно-белые, уже поблекшие фотографии. – Вот Слава Добрынин, он потом стал доктором технических наук в Харьковской академии, вот Барышев, который вместе со мной заканчивал Одесское училище... Вот бунгало, где мы жили, вот бомбы американские, вот я ремонтирую пусковую установку, вот мой вьетнамский товарищ, вот мы уговариваем вьетнамцев пустить нас к сбиту самолёта...

– Пустили?

– Нет, нас не должны были видеть там. Вот вьетнамские зенитчики возле нашего дивизиона, которые нас охраняли... Вот мы без документов, одеты, как шаромыжники, кто в чём... Вот разбитый мост через реку Красная. Вот дети вьетнамские, как увидят нас, сразу бегут за нами... Вот мы на какой-то дивизион въезжали, сейчас уже даже не помню в какой...

Владимир Андронович откладывает фотографии в сторону и достаёт из папки лист формата А-4, сложенный вчетверо и исписанный мелким почерком. – Смотри, когда меня вызвали перед отправкой и писали представление на награждение, я втихаря (ведь ничего нельзя провозить), выписал с их отчётов: «итог действий за период с января 1967 по октябрь 1968 года американской авиации: самолетовылетов 34396, нанесено ударов 8076, объектов подвержено ударам 6781 (в том числе военных 1584). В свою очередь, со стороны ЗРВ ВНА за 9 месяцев 1968 года: произведено 272 стрельбы, выпущено 445 ракет, сбито 108 самолетов противника...» А хочешь, покажу, в чём я ходил там?

– Конечно!

Из шкафа торжественно извлекается на плечиках пожелтевшая от времени штапельная рубашка с короткими рукавами вся исписанная пожелтением товарищей перед отправкой домой. – В марте этого года ей будет 54 года. Одна женщина из Музея Вооруженных Сил очень просила передать её в музей, но я отказал.

Видно, что Владимир Андронович очень гордится этим несостоявшимся музейным экспонатом и очень раздосадован, что еще один «вьетнамский сувенир» не удалось сберечь. – Это американская шариковая бомба. Привёз её в Союз, отдал её нашим ракетчикам, те передали в политуправление, и куда она делась – непонятно. Меня потом дочка ругала: «Папа, что ты сделал! Это же такая память!»

Молодой советский офицер начинал службу в 8-й отдельной армии ПВО, под командованием легендарного лётчика, трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина

– Как же вы её через таможню пронесли?

– Она же небольшая, примерно размером с кружку. Я взял пять пар носков, вложил их один в другой, а в середину всё это запихнул. Да и потом на таможне нас, возвращающихся из Вьетнама, практически не проверяли...

Мы беседуем дома у Владимира Андроновича. Несмотря на свои 83 года, он бодр, великодушная память, по-прежнему чувствуется выправка бывшего офицера, хотя бывших офицеров, наверное, не бывает. Живет один, и по всему видно, что любит порядок. Кругом чистота, все аккуратно разложено по полочкам. На полках очень много книг. На стене в одной из комнат – в рамках под стеклом фотографии.

Отец всегда гордился его успехами...

Кто же он, наш земляк, человек, сбивавший вместе с вьетнамцами американские самолеты? Владимир Бондаренко родился перед самой войной в многодетной семье колхозников в селе Черкасской области. Когда началась война, ему было от роду семь месяцев. От того страшного времени остались смутные полумладенческие воспоминания. «Но помню, как нас эвакуировали: я был привязан за ногу к телеге, чтобы не выпал по дороге и не потерялся, – вспоминает Владимир Андронович. – Детство было голодное, варили суп из травы. Носить было нечего, ходили босиком. Когда отец пришел с войны, стало полегче».

Позже, в подростковом возрасте, примером для подражания был брат отца – майор-фронтовик, командир зенитной батареи, орденосец. В 1959 году Бондаренко призвали на срочную службу, а через год он поступил в Одесское военно-техническое училище, готовившее офицеров зенитно-ракетных войск, и окончил его с красным дипломом. Как отличник

учебы, имел право выбора, где ему служить. Попросился в 8-ю отдельную армию ПВО, которой командовал легендарный лётчик трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин. Офицерскую службу начал в Кировоградской области командиром стартового взвода...

Забывтая война

А в это время во Вьетнаме уже шла война, формально начавшаяся пятого августа 1964 года. Американцы решили в очередной раз распространить свою «демократию» туда, где их не просили об этом, и начали сбрасывать её, завернутую в авиабомбы и начиненную напалмом.

Массированные бомбардировки проводились практически безнаказанно до того момента, как в окрестностях Ханоя были развёрнуты на боевых позициях зенитно-ракетные дивизионы, обслуживаемые советскими специалистами. Им предстояло создать систему противовоздушной обороны (своей системы ПВО у Северного Вьетнама фактически не было). В боевых действиях во Вьетнаме зенитно-ракетное оружие было применено впервые в военной истории.

Война повлекла за собой огромные человеческие жертвы. Как пишут военные историки, оценки числа убитых вьетнамских солдат и мирных жителей колеблются от 966 тысяч до 3 миллионов человек. 58220 военнослужащих Соединённых Штатов также погибли в ходе конфликта, а ещё 1626 человек пропали без вести. Данные о потерях советских военнослужащих за военный период во Вьетнаме разнятся, и в большинстве источников говорится о шестидесяти погибших советских специалистах. В дополнение к погибшим было несколько десятков раненых, а также тех, у кого на почве регулярных авиабомбардировок развился контузийный невроз и сопутствующее ему расстройство психики.

...Что мы знали о той далекой войне? Мы – это поколение шестидесяти-семидесятих, а в принципе в то время – и большинство мирных советских людей. Да, мы видели в теленовостях, в телепрограммах «Международная панорама» и «В объективе Америка» черно-белые документальные кадры

«В марте этой рубашке будет 54 года. Одна женщина из Музея Вооруженных Сил очень просила передать её в музей, но я отказал...»

Владимир Бондаренко в рубашке, расписанной сослуживцами на память, перед возвращением в Советский Союз...

бомбежек Вьетнама и антивоенные акции протеста в Америке. Удивлялись тому, как такая маленькая страна, вытянувшаяся узеньким фиолетовым червячком на карте мира, может противостоять огромным США. Ходили анекдоты про «вьетнамского» лётчика Ли Си Цына, говорящего почему то на отборном русском языке, а в репертуаре дворовых песен было и «Я бегу по выжженной земле, гермошлем зашелкнув на ходу. Мой «Фантом», как пуля быстрый, в небе голубом и чистом с ревом набирает высоту...» И мы её пели, не особо вникая в смысл текста. Это уже потом появились первые голливудские фильмы, а затем – и опубликованные монографии наших военных историков, и воспоминания бывших советских «военных специалистов»...

...Владимир Андронович бережно достает с книжной полки одну за другой несколько книг. – Здесь таких книг не найдешь, – говорит он. – Помогли мои связи. Собираю эти книги, потому что в них нахожу знакомые фамилии, с кем-то в военном училище вместе были, с кем-то служил вместе.

Адская дискотека в джунглях под «музыку» С-75

По официальным данным США, во Вьетнамской войне американская авиация потеряла один самолёт на каждые 60 самолёто-вылетов, в то время как в Корейской войне, где американцам также противостояли советские зенитчики-артиллеристы, она потеряла лишь один самолёт на 750 вылетов.

Боевые расчёты состояли из советских военных специалистов, которых в каждом дивизионе насчитывалось до 30-35 человек, и обучаемых ими вьетнамских расчётов в роли стажёров-дублёров. Как пишут военные историки, первый противозенитный бой с участием советского зенитно-ракетного комплекса СА-75М состоялся 24 июля 1965 года в 50 километрах северо-восточнее Ханоя. В этот день два зенитно-ракетных дивизиона при отражении удара авиации США сбили почти одновременно три проходивших боевую обкатку самолёта F-4C, выпустив по ним всего четыре раке-

«диск-жokeями», и предложенная ими «музыка» – применение зенитно-ракетных комплексов – привела к резкому снижению эффективности налётов американской авиации и заставила американцев спуститься со средних высот на низкие, где они стали более уязвимыми для ствольных зенитных средств ПВО Вьетнама. Из показаний пленных американских лётчиков известно, что они очень боялись лететь на задания в район Ханоя, так как там несли большие потери. Практически в любой банановой роще или в зарослях бамбука могла быть замаскирована пусковая установка, и оттуда можно было ожидать удар советских ракет.

Военные историки генерал-майор авиации Ю. И. Галушко, а также М. А. Шершнев и В. И. Карпенко – научные сотрудники Университета воздушных сил им. Ивана Кожедуба – дают общую цифру в 1400 новейших американских самолётов, сбитых комплексом СА-75. Доктор технических наук профессор В. М. Буренок пишет о более чем 2500 американских боевых самолётах, уничтоженных во Вьетнаме системами СА-75.

– Зенитно-ракетный комплекс С-75 «Двина» был принят на вооружение в 1957, был на Кубе в 1962 году, а потом были – Египет, Ирак, Афганистан. Комплекс постоянно модернизировался, – рассказывает Владимир Андронович. – Я работал на ЗРК, ближняя зона поражения которого – 10 километров, а дальняя – 24. Когда они были возвращены для стрельбы по надводным целям, эффекта не было. Американские корабли стояли на расстоянии 40 километров и беспрепятственно дальноточной мощной корабельной артиллерией били по побережью Тонкинского залива. 30 марта 1968 года, в результате нарушения режима радиомаскировки, наши 31-й и 32-й дивизионы были обнаружены и разбиты. После этого командование приняло решение передислоцировать полк под Ханой. После передислокации в провинцию Хабак, юго-западнее Ханоя, группа значительно сократилась – все солдаты срочной службы и часть офицеров убыли в Союз.

Работы было много. Вьетнамцам было очень тяжело физически при свертывании и развертывании позиций разбить мостик, забить стержни, укрепить станину... Я и сам им помо-

«Первые боевые стрельбы проводили советские военные специалисты, а вьетнамцы стояли за спиной...» Лыенг-со «товарищ Володя» (сидит) за работой на ЗРК-С75

«В Ханой мы прибыли ночью...»

Старшего лейтенанта Владимира Бондаренко в составе группы специалистов отправили туда весной 1968 года. Дома оставались жена и маленькая дочка... На военном совете в Киеве его кандидатуру утверждал лично Покрышкин. В Москве он пообщался еще с семью генералами, прослушал инструктаж по политической, религиозной и бытовой специфике Вьетнама и в полном ассортименте закупил всякие лекарства, мази и присыпки. «Всё – теперь ты вьетнамец, или «Лыенг-со», что означает «советский специалист», – объяснили молодому зенитчику. – Сдал удостоверение личности офицера и партбилет, переоделся в гражданскую форму одежды, получил загранпаспорт – теперь я специалист по сельхозтехнике мистер Бондаренко, – рассказывает собеседник.

В апреле 1968 года группа из 70 офицеров во главе с генерал-майором ВВС вылетела из Москвы в Иркутск. Далее – пересадка в Китае. Сначала в Пекин, оттуда в Гуанчжоу, и только после этого во вьетнамскую столицу Ханой.

отвезли нас к местам дислокации. Ехали ночью, соблюдалась светомаскировка. Дорога освещалась лампочкой, установленной в консервной банке под передней осью. Прибыли под утро. Вокруг пальмы. Привели к бунгалу. Меня встречал капитан Сапин Иван, которому я прибыл на замену. Сразу же предупредили – туалет во дворе, а на крыше живет змея...

Вьетнамцы добросовестно старались скрасить тоскливое существование советских офицеров. Кормили в основном рисом, свинойной, курятиной и утятинной. На ужин товарищам офицерам полагалась маленькая бутылочка сомнительного китайского рисового пива, всякий другой алкоголь был под запретом.

Первые боевые стрельбы проводили советские военные специалисты, а вьетнамцы стояли за спиной, потом за «штурвал» сели вьетнамцы, а наши стояли сзади. Как отметил Владимир Андронович, вьетнамцы старались дотошно во всём разобраться, во всё вникнуть, побыстрее всё изучить, чтобы самим сбивать американцев.

«27 октября 1968 года в 11.30 наш дивизион сбил BQM-34 на высоте 18 километров. Было прекрасно видно, как БЧ взорвалась у самолета, и он упал

О наградах прошлых и нынешних...

ты. Пуски проводились на встречном курсе, на средних высотах в условиях отсутствия радиопротиводействия. Это стало полной неожиданностью для американского командования: до этого их машины на высотах свыше 5 километров летали, ничего не опасаясь, а разведка не сумела вскрыть факт появления советских ЗРК. Американцами были предприняты немедленные меры по уничтожению позиций дивизионов, но это не удалось сделать, так как подразделения постоянно маневрировали, меняя позиции.

На первых порах противник нес серьёзные потери. Американцы называли войну во Вьетнаме «адской дискотекой в джунглях». В таком случае советских офицеров можно назвать

гал, хотя в обязанности мои это не входило. Много внимания уделялось маскировке. Пусковые установки прятали, укрывая ветками деревьев, листьями пальм, использовали металлическую тару от крыльев и стабилизаторов, а технические доработки позволили увеличить помехозащищенность, дали возможность стрелять без выхода в эфир, сопровождать цель визуально. Однако вьетнамцам эта доработка пришлась не по душе, они не хотели садиться в кабину управления, которую называли «ящик смерти». Потому что если бы американцы засекли работу антенн ЗРК и пустили «шрайк» – противолокационный снаряд, те, кто находится в кабине, погибли бы первыми, – рассказывает он.

– Китайцы встретили нас митингами, под барабанный бой, с руганью руководства Советского Союза, прославлением Мао Цзэдуна и настороженным отношением к нам – советским людям. Плевали в сторону нашей делегации и со зверским видом угрожали штыками. Разгар «Культурной революции», нас об этом предупреждали в Генштабе. Для того чтобы китайцы не поняли, что мы военные, мы обращались друг к другу только по имени.

Владимир Андронович вспоминает, что в Ханой группа прибыла ночью. Запомнились цветы, с которыми их встретили вьетнамцы, горящий бензовоз на дороге, злобный гул американских самолётов и интенсивная зенитная стрельба. – Представители полков

на землю. 12 ноября 1968 стреляли 32-й, 33-й и 34-й дивизионы. Счёт сбитых самолетов стал расти!», – это из воспоминаний Бондаренко, опубликованных в одном из томов книжной серии «От солдата до генерала», изданной Академией исторических наук.

«Мы были первыми в районе 17-й параллели...»

Через некоторое время старшего лейтенанта Бондаренко командование спустило на 17-ю параллель, которая разделяет Северный и Южный Вьетнам.

Ниже семнадцатой параллели – уже территория Южного Вьетнама, полностью контролируемая Соединенными Штатами Америки. Как рассказал мой собеседник, впервые он с группой военспецов прибыл сюда 17 ноября 1968 года.

– В пути видели результаты бомбежек. Вокруг всё разрушено – дороги, дома, всё, что возвышалось над землей. Видели разбитую колонну техники – искореженные тягачи, выжженная окислителем земля, невзорвавшаяся боевая часть ракеты. По дороге двигался транспорт: на юг – грузовики, крытые брезентом, а на север – с ранеными. Мы были первыми, кто восстанавливал ЗРК в районе 17-й параллели.

Действовали из засад, потому что американцы, которые сначала были уверены, что ниже 17-й параллели ракет нет, поняли, что здесь появились комплексы С-75 и охотились на них. Тем более полк к тому времени уже сбил шесть бомбардировщиков В-52 («летающие крепости»). А в газетах и радио недоумевали, кто же их сбивает?

Передислокация в Южный Вьетнам производилась ночью, комплекс разворачивался и приводился в боевую готовность. ЗРК обнаруживал цель, производил пуск, быстро сворачивался и перемещался обратно на территорию Северного Вьетнама.

Пальмы, бамбук, кобры, пиявки, скорпионы...

– Приходилось жить и в палатках, и в землянках. Землянка выкопана в рост человека, сверху укрыта бамбуком, пальмовыми листьями и засыпана землей. Внутри трапики стоят, топчаны под накомарником. По стенкам течет вода, бывало, заползали кобры, скорпионы и другая тропическая нечисть. Поэтому старались все время на улице сидеть. Брюки колом стоят от влажности, а на обуви за ночь сантиметров на пять плесень образовывалась. Романтика! Змеи, скорпионы, пиявки, насекомые. Потное тело страшно зудит, покрывается коростой, ужас как чешется! Многие из насекомых были ядовитыми, а некоторые из них (мы их называли «фосфоритками»), падая с деревьев и кустарников на человека и проползая по телу, оставляли ожоги, которые начинали гноиться, – вспоминает собеседник.

Приходилось совершать тяжёлые ночные марши по разбухшим от проливных дождей глинистым просёлкам и разбитым дорогам. Очень тяжело было во время боевой работы. Жара в тени достигала 45 градусов, влажность – чуть ли не стопроцентная. В кабинах зенитных ракетных комплексов температура воздуха поднималась до +70°C и термометр зашкаливал, а расчёты должны были непрерывно по 10-14 часов в сутки находиться в этих раскаленных металлических ящиках. Советские специалисты на позиции находились в одних трусах, на голове – пробковый шлем, в руке – фляга с чаем. Поэтому, как вспоминает Владимир Андронович, было за счастье, когда появлялась возможность организовать баньку и помыться.

– А личное оружие у вас было?

– Личное оружие – понятие относительное. Оно – личное, если постоянно с тобой. А у нас только в кабинах стоял

Фото из открытых источников

Группа советских специалистов получает инструктаж

карабин и ящик с патронами, – говорит Владимир Бондаренко и вспоминает, что рядом с их землянкой через речушку было перекинута бревно, по которому постоянно шли на юг вьетнамцы. – Маленькие, словно дети, в пробковых шлемах, сзади коврик, вещмешок и АК-47. Это часть «тропы Хо Ши Мина». А из соседней деревни Ки-той ежедневно приходили местные жители посмотреть на нас, потрогать за руки, волосы и одежду.

– Американцев видели?

– Да ты что! Нельзя был допустить, чтобы советского специалиста заметили в районе семнадцатой параллели. 23 ноября мы работали возле каучуковой роши. Вдруг – грохот взрывов, над головой на высоте 100 метров – разделяющееся пламя, стрельба со стороны роши, но ничего не видно. Прибежал вьетнамец и сказал, что зенитчики, которые охраняли наш дивизион, сббили самолет. Увидели над доловой оранжевый купол спускающегося парашюта. Затем – пушечные выстрелы со стороны роши. Оказалось, что в самолете было два пилота, лейтенант погиб в самолете, а капитан отстреливался. К самолету нас вьетнамцы, естественно, не допустили. А капитан ВМС США Рокки Маклейн был взят в плен. Происходило всё это метрах в восьмистах от нашей землянки. Отдыхать было некогда – бомбежки несколько раз в день, ночью – трескотня из всех видов оружия. Особенно на износ 5,6,7 и 8 декабря. В конце декабря поступила команда на убытие в Ханой.

«Володя, ракета – фу!»

Бондаренко не случайно окончил военное училище с красным дипломом. Технику знал, как свои пять пальцев. И неудивительно, что вскоре его назначили в группу главного инженера ПВО и ВВС Вьетнамской Народной Армии. Советского специалиста вьетнамцы ценили за то, что он всегда находил един-

ственно верное решение в экстремальной ситуации, работа без схем, досконально зная, где какая клемма и в чём причина сбоя. Так, например, после очередной бомбежки вьетнамцы не могли понять, почему после включения питания ракетная установка сразу начинала вращаться. «Товарищ льянг-со» это понял сразу.

И вновь Вьетнам. 2010 год. Полковник в отставке Владимир Бондаренко в составе делегации почётных гостей на приёме в Министерстве обороны ДРВ

– В кабеле управления, где 24 жилы, 7-я и 8-я были перебиты осколком шариковой бомбы. Я ножом взрезал кабель и нашёл осколочек миллиметров в пять. И когда я его нашёл, вынул и показал, а потом быстро заизолировал жилы, восхищенные вьетнамцы поняли, что не зря сюда за несколько сотен километров из Ханоя по разбитым и разбомбленным дорогам приехал советский специалист.

Однажды к нему прибежал вьетнамский офицер и испуганно закричал: «Володя, ракета – фу!» Бондаренко выскочил, увидел разбегающийся вьетнамский персонал и с ужасом понял, что 11-метровая ракета класса «земля – воздух» с двумя тоннами топлива и двумя центнерами тротила, действительно, «фу» – сейчас рванёт по полной программе. Давление – 430 атмосфер, а при эксплуатационной норме должно быть не более 330. Минуты или даже секунды, – и от молодого старлея вряд ли бы что осталось. – А всё потому, что ракета покрашена в серебристый цвет, поглощает свет, нагревается до 60-65 градусов так, что дотронуться нельзя. А там – под две тонны окислителя, боевая часть осколочно-фугасного действия, взорвись, – и дивизион был бы полностью уничтожен вместе с личным составом. Я кричу вьетнамцу – «кале», то есть – ключ! Взлетаю по стремянке, и, не дожидаясь ключа, вручную пытаюсь сбросить давление и чувствую – не могу. Упёрся рогом, и в этот момент – хлопок, и через стравливающий клапан – свист сжатого воздуха. Меня сбрасывает с лестницы, хорошо, что затылком ударился о землю, а не о стальную станину. Секунду был в отключке. Поднимаю на ноги, все разбежались, а воздух стравливается, давление падает. Они увидели, что

уже всё в норме, выползали из кустов и ко мне бегут, обнимают, целуют.

Через три дня у него неожиданно кровь из носа пошла. А врача как раз на месте не было, бывший уже убыл в Союз, а новый на его смену еще не приехал. Пришлось пару дней отлежаться в бунгало. И лишь, когда вернулся домой, выяснилось, что была контузия.

Вьетнам остался в памяти навсегда...

Индокитайская командировка растянулась на год. 20 марта 1969 года Бондаренко покидал изрядно надоевший, но все же – полюбившийся Вьетнам.

Домой летели по очень странному маршруту, сделав немислимую петлю Ханой – Калькутта – Карачи – Ташкент – Москва. В этот раз через Китай не рискнули. Как раз начались события на острове Даманский, и китайцы заявили, что если хоть один советский специалист появится в Китае – там навечно и останется. Воевавшие с американцами военные советники возвращались домой, в том числе через территорию самого верного союзника США – Пакистана. Вот такие международные парадоксы. И только прибыв в Союз, засекреченный безымянный «специалист по сельхозтехнике» вновь официально стал советским офицером – старшим лейтенантом Вооруженных Сил СССР.

С 1969 по 1987 год служил в войсках ПВО СССР командиром стартовой батареи, командиром радиотехнической

батареи, командиром зенитно-ракетного дивизиона, заместителем командира – начальником тыла зенитной ракетной части. В 1987 году в звании полковника был уволен в запас.

...Конечно же, Вьетнам навсегда остался в памяти. Воспоминания о годах молодости самые яркие. От вьетнамцев у Владимира Бондаренко остались самые хорошие впечатления: высочайшая тяга к знаниям, великодушная обучаемость, терпеливость, трудолюбие, мужество, вежливость, гостеприимство. И при этом ни хорошего, ни плохого они никогда не забывают. Поэтому когда в 2010 году представилась возможность вновь побывать в этой стране в составе делегации почётных гостей, которых министр обороны Вьетнама официально пригласил на празднование 35-й годовщины взятия Сайгона (ныне Хошимина), Владимир Андронович долго не раздумывал.

– Увидеть незабываемый Вьетнам, поприсутствовать на военном параде было очень приятно, – говорит полковник в отставке. – Были там 12 дней. Побывали, в том числе, в музее под открытым небом, где обломки сбитых американских самолётов. Был торжественный приём в Министерстве обороны, банкет, вьетнамские награды. К сожалению, по объективным причинам встретиться с теми вьетнамцами, с кем вместе воевали, не получилось. Вручили нам по 300 американских долларов, и на недоуменный вопрос – зачем? – пояснили – «на сувениры». Тоже приятно, хотя и не за доллары мы там воевали, – завершает свой рассказ Владимир Андронович, задумчиво перебирая в пальцах обожженный кусочек обшивки сбитого американского самолёта... ●

Вьетнамские зенитчики, охраняющие советские ракетные установки